

ТРАДИЦИИ СОЛИДАРНОСТИ И КООПЕРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МОСКОВСКИХ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ

А.В. Лубков, И.В. Литвинова, М.А. Гончаров

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления процессов межличностной и общественной кооперации отечественной профессуры и студенчества в рамках их научно-педагогической и образовательной деятельности. Идеи организации высшего женского образования, его фундаментальности и практико-ориентированности на примере Московских высших женских курсов, где сложился особый духовный микроклимат, который позволяет говорить о сформировавшемся научно-образовательном организме как едином и целостном с присущими ему чертами русской соборности, солидарности и кооперации.

Ключевые слова: знания, ценности, поведенческие модели, российская профессура, женское образование, Московские высшие женские курсы, традиции солидарности и кооперации.

Для цитирования: Лубков А.В., Литвинова И.В., Гончаров М.А. Традиции солидарности и кооперации в пространстве московских высших женских курсов // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Часть 1. С. 11–20. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20

TRADITIONS OF SOLIDARITY AND COOPERATION IN THE SPACE OF MOSCOW HIGHER WOMEN'S COURSES

A.V. Lubkov, I.V. Litvinova, M.A. Goncharov

11

Abstract. The article considers the issues of forming processes of interpersonal and public cooperation of domestic professors and students in the framework of their scientific-pedagogical and educational activities. The article focuses on the ideas of higher women's education organization, its fundamentality and practical orientation on the example of Moscow Higher Women's Courses, where a special spiritual microclimate was formed, which allows to speak about the formed scientific and educational organism as a united and integral one with inherent features of Russian collegiality, solidarity and cooperation.

Keywords: knowledge, values, behavioral models, Russian professorship, women's education, Moscow Higher women's courses, traditions of solidarity and cooperation.

Cite as: Lubkov A.V., Litvinova I.V., Goncharov M.A. Traditions of Solidarity and Cooperation in the Space of Moscow Higher Women's Courses. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 1, part 1, pp. 11–20. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-11-20

© Лубков А.В., Литвинова И.В., Гончаров М.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В модернизационном потоке второй половины XIX в. в российском обществе формировались новые социальные связи, шел поиск средств самовыражения, языка, статуса, что выводило существующие социальные группы и их представителей за пределы известного сословного дискурса [1, с. 287]. Общество превращалось из объекта политических перемен в субъект политической деятельности. Так, например, отечественная профессура преобразилась в активного, творчески заряженного участника общественно-политического процесса, твердо и последовательно отстаивавшего свою гражданскую позицию в повседневной научной и педагогической деятельности. Таким образом, обреталась идентичность данной социальной группой.

Интеллектуально-творческая деятельность профессуры связана с воспроизводством самого человека, поскольку направлена на созидание духовных ценностей, знаний и поведенческих моделей. Это главная общественная функция ученых-преподавателей, служащих интересам науки, образования и культуры.

12

Во второй половине XIX в. профессура оказалась вовлеченной в круговорот одного из самых обсуждаемых вопросов своего времени — вопроса о женском высшем образовании. Надо отметить, что женщина постепенно преодолевала привычный замкнутый цикл причинно-следственных связей, обращаясь к целенаправленному преобразованию окружающей действительности. Расширялся радиус деятельности, выводящий женщину за границы семьи в широкую общественную среду. Любопытно, что известные лидеры женского движения были высокообразованными, уважаемыми в литературных и общественных кругах писательницами, переводчицами, критиками. Они занимались переводами с различных

европейских языков, создавали разножанровые произведения, отвечали критическими очерками на выходившие произведения и в целом активно участвовали в событиях общественно-литературной мысли, были организаторами и руководителями ряда известных печатных изданий.

Первым знаковым проявлением новой социокультурной ситуации стал небывалый резонанс, вызванный напечатанной летом 1856 г. в «Морском сборнике» статьи Н.И. Пирогова (1810–1881) «Вопросы жизни». Впервые публикация, посвященная общим принципам образования, оказалась в самом фокусе общественного внимания, взбудоражив широкую общественность. Не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного органа печати, который не откликнулся на нее статьей или рецензией. Уже само по себе столь бурное обсуждение вопросов социальной значимости женщин было делом непривычным, причем дело не ограничивалось лишь вспышкой кратковременного интереса. Рассуждения ученого о роли женщины в воспитании человека, что определяло необходимость ее всестороннего образования, совершенно отличались от приоритетов узкофункционального обучения предшествующей эпохи. Затрагивались глубинные вопросы методологии образования, его фундаментальности и практико-ориентированности, составившие центральную проблематику образования на долгие десятилетия вперед.

Первоочередными объявлялись задачи широкого общего образования, развивающего сознательную деятельность личности, нацеленную на подготовку ребенка к жизни, к тому, чтобы стать человеком. Миссию воспитания женщина выполняла в силу естественного хода вещей и материнской природы, предназначенной для нее. Поэтому образование женщин

должно было быть направлено на осознание ими своего высокого предназначения «в вертограде человеческой жизни», поскольку именно они становились «главными зодчими общества» с первых шагов и слов ребенка, с его первых игр и первой молитвы. По заключению Н.И. Пирогова, перемены требовал вопрос воспитания женщины, неразрывно связанный с воспитанием всего человечества [2, с. 40].

Мысли, высказанные ученым, были созвучны настроениям эпохи реформ. Стал заметно меняться сам характер социально-педагогического дискурса. Общество шло дальше рассуждений «о пользе учения», вникало в конкретные вопросы, такие как соотношение «общечеловеческого» образования и специальной подготовки, социальная и общекультурная миссия университетов, связь высшего образования с исследовательской деятельностью и др. Новаторские идеи касались содержания образования и исходили из понимания роли женщины в истории народного развития, того значения, которое женщина имеет по своей природе. Преподавание родного языка, полноценное начальное образование и его преемственность с образованием средним, общественная значимость образования и его народность — эти и другие системообразующие принципы философии образования «по Ушинскому» стали впоследствии фундаментом отечественного просвещения.

Общество не только живо дискутировало на тему женского образования, о путях его развития, но и активно втянулось в подготовку прошений, в инициирование всевозможных частных проектов, благодаря которым появлялись новые учебные заведения для женщин. Идея организации высшего женского образования в пореформенной России была инновационной. Если сравнивать, например, постановку женского образования в России с

Германией, откуда постоянно черпала идеи русская официальная педагогика, то там, по выражению К.Д. Ушинского, женские учебные заведения были «самыми слабыми из всех учебных заведений», а «германская педагогика не имела решительно ни одного замечательного и фундаментального сочинения о женском образовании» [3, с. 423].

Активно поддерживаемое широкой общественностью дело высшего образования для женщин постепенно претворялось в жизнь. Отдельной страницей в этой истории была инициатива профессора Владимира Ивановича Герье под названием Московские высшие женские курсы, реализация которой позволила женщинам в Российской империи впервые получить полноценное высшее университетское образование. Если в 1870-х годах многие девушки устремлялись в университеты в силу желания стать полезными во благо общества, то спустя буквально десятилетие они были движимы, главным образом, все чаще нуждой и необходимостью достойного заработка. Уже в начале XX в. на первый план в качестве побудительных причин достижения высшего образования выступили недостаток знаний и неподготовленности, желание достичь независимого и стабильного финансового положения, а также статуса в обществе, желание стать специалистом в определенной профессиональной области, продолжить семейную традицию [4, с. 214]. Учительская профессия для женщины выступала как способ творческой реализации личности, возможности роста профессиональной квалификации, способствовала экономической независимости.

В процессе социальной модернизации оформлялись новые формы общественных связей. Московские высшие женские курсы (МВЖК) сыграли ключевую роль в

реализации конкретных практик самоидентификации. В пространстве МВЖК реализовывалась известная патерналистская модель университетской организации, специфика которой заключалась в непосредственном взаимодействии преподавателя и студента в пространстве формальных структур, например, в процессе семинариев, лабораторных занятий и посредством многочисленных неформальных корпоративных структур, каким выступали кружки, общества, журфиксы, салоны.

Идейное сплочение профессорско-студенческого коллектива во имя высоких идеалов науки и просвещения основывалось на приоритете научного познания и поиска в сочетании с задачами воспитания личности, с опорой на богатейшее национальное культурное и духовное наследие. Развитие сциентистского, ориентированного на науку типа мышления представлялось неотделимым от духовно-ценностного, аксиологического развития человека, от воспитания всесторонне развитой гармоничной личности педагога, способного в дальнейшем воспитать учеников, передать духовно-нравственные начала, завещанные предками.

Удивительное воспитание личности и ее становление на ниве просвещения происходило в процессе научного сотворчества студентов и профессоров, совместного научного поиска, строительства и поиска самих себя. Рука об руку шли процессы популяризации научных знаний и форм научного творчества среди курсисток, развитие их научного интереса к фундаментальным исследованиям, привлечение к научной деятельности на самых ранних этапах обучения, овладение научными методиками и средствами самостоятельного решения научно-исследовательских задач. Формировались мировоззренческие основы.

Обучение на МВЖК всегда являлось в определенной мере воспитывающим. Курсы воспитывали у слушательниц неутоленность в пополнении своих знаний, равнодушие, влюбленность в свое дело, стремление к самосовершенствованию. Они обогащали их не только интеллектуально, но и эмоционально, эстетически, нравственно. Педагогическая печать конца XIX в. не раз обращала внимание общества на то, что «если образование не дает нравственной силы, оно не только бесполезно, но вредно» [5, с. 189].

Подчеркнем, что в пространстве Московских высших женских курсов создавалась культурная атмосфера эпохи модернизации путем раскрытия человеческой личности, утверждения равенства всех сословий. В гражданско-этическом отношении университет еще со времен своего зарождения формировал общественное сознание, созидал особый «университетский дух», отличительным признаком которого была ценность не только профессиональных знаний, но и кодекс чести и человеческого достоинства.

Особый духовный микроклимат, сложившийся на Московских высших женских курсах, позволяет говорить о формирувавшемся научно-образовательном организме как едином и целостном, с присущими ему чертами русской соборности, солидарности и кооперации. Образование было своего рода дорогой к нравственному совершенству, в этом и состояла его ценность. Через выпускниц духовная атмосфера курсов распространялась и на других. Так, в своих воспоминаниях младший брат А.П. Чехова Михаил Павлович отмечал: «Казалось, что от пребывания сестры на Высших женских курсах Герье изменилась и самая жизнь нашей семьи» [6, с. 78].

Отметим, что солидарность, общность, взаимосотрудничество были свойственны

и непосредственно студенческому коллективу, приобретая различные формы деятельности в виде студенческих научных и творческих кружков, лабораторий, съездов и т. д. Активное и систематическое участие в работе студенческих научных объединений расширяло и углубляло не только знания в различных сферах науки, но и развивало общий кругозор, эрудицию, научное и творческое мышление, создавало возможности для реализации творческого и научного потенциала.

Слушательницы, по свидетельству современников, держались кружками человек по 5, 10, 15 [7, с. 261–262]. Были кружки, где собирались для общих занятий по заданным на курсах работам. В других большинством голосов выбирали какой-нибудь всех интересующий вопрос, по которому читались книги и даже писались рефераты. Один из таких кружков собирался, например, в 1882–1885 гг. у М.П. Чеховой (1863–1957), сестры Антона Павловича.

Во второй половине XIX в. научные и литературные объединения профессуры и студенчества были не только популярной формой социокультурной практики, но и своего рода способом самоорганизации социальных групп и их представителей, что позволяло им реализовать себя и самоидентифицировать в общественно-политическом и социокультурном пространстве. Это был путь коммуникации, привлекавший молодых людей к обсуждению исторических, философских и литературных произведений, отвлеченных и жизненных вопросов. Для многих открывалась дверь в науку. Это была своеобразная нить преемственности, связывающая поколения, благодаря которой осуществлялась передача языка, ценностей, моделей поведения, традиций, оценок и т. д.

Целеустремленных, жаждущих знаний курсисток не останавливали ни

материальные, ни иные трудности, связанные с нехваткой книг, оборудования, общежития и других ресурсов. Совместными усилиями преподавателей и курсисток создавались библиотеки [8, с. 140], организовывались экскурсии, выставки. Рвению курсисток к овладению знаниями, казалось, не было границ. Так, В.И. Герье вспоминал эпизод, как застал курсисток в химической лаборатории сверх положенного времени, несмотря на ограничение времени лабораторных занятий и предписанные правила. Он возвращался домой мимо лаборатории часу в 11-м вечера, когда увидел во всех окнах свет. На важность «экономить газ», который так напрасно сжигается, а «за все нужно платить», курсистки ответили, что можно взять с общества, потому что они учатся «для общества, а потому оно должно платить» [9]. Инцидент был исчерпан, но, помимо очевидного материального положения вещей, явно прослеживается главная, оборотная сторона дела — страсть к знаниям и неутомимая энергия на ниве образования, что двигало курсистками, преодолевающими любые невзгоды.

Не всегда условия позволяли проводить занятия, особенно лабораторные. Помещения зачастую не были приспособлены: маленькая железная печка, несколько препаратов, а бывало мороз на улице стоял такой, что «замерзала вода в пробирках», как рассказывала одна из курсисток, причем работать приходилось «по 4–5 часов подряд», «но так дорого и близко было для всех участников дело женского образования, что никто никогда не отказывался от содействия ему» [10, с. 118].

Уже в первые годы работы курсов по инициативе В.И. Герье было учреждено пособие для 10 слушательниц «недостаточного состояния», финансируемых Московской купеческой управой [11].

Ежегодно число стипендиатов росло [12, с. 22–24, 47–48]. Расходы на пособия слушательницам, закладываемые в смету руководством курсов и Попечительным советом, исчислялись сначала сотнями, затем тысячами, а с 1910–1911 гг. — десятками тысяч рублей [13, с. 75]. Касса взаимопомощи в 1914–1915 уч. г. составляла сумму в 6240 рублей [14, с. 294].

После оставления поста директора курсов В.И. Герье продолжал участвовать в жизни своего детища. Так, он инициировал ежегодные премии и стипендии из личного капитала слушательницам, отлично окончившим курс, а также пособие на случай тяжелой болезни [15, с. 151]. Весьма солидную помощь бедным слушательницам в течение ряда лет оказывал брат преподавателя МВЖК А.А. Шахова — Н.А. Шахов. Он учредил также на свои средства стипендии им. Е.П. Эфрон (Дурново) и Д.А. Милютина. Были учреждены и другие именные стипендии.

В.И. Герье поспособствовал открытию студенческого общежития. В 1904 г. такое общежитие было открыто на Большой Садовой улице. Это был доходный дом, принадлежавший Илье Пигиту (1851–1915). В левом крыле дома и проживали курсистки МВЖК. Общежитие занимало весь этаж. Впоследствии этот дом № 10, подъезд № 6 станет весьма известным благодаря тому, что в одном из помещений общежития, которое станет квартирой № 50, с 1921 по 1924 гг. будет проживать и работать автор романа «Мастер и Маргарита». Любопытно, что на МВЖК училась сестра Булгакова — Надежда Афанасьевна (1893–1971). Она окончила историко-философский факультет Московских высших женских курсов, стала учительницей, а позже директором школы, преподавала также в МГПИ им. В.П. Потемкина.

До открытия этого общежития многие слушательницы высших женских курсов

проживали в общежитиях, предоставляемых различными благотворительными обществами. Такие общежития, например, размещались в доме известного чае-торговца и промышленника С.Г. Попова в Лялином переулке 10/14, на Садово-Кудринской 2/62 в доме купца и почетного гражданина Москвы Н.С. Кана, на Поварской в доме Сыромятникова. Согласно данным отчета Общества для доставления средств высшим женским курсам, к 1903 г. во всех этих трех домах проживало порядка 55 слушательниц [16, с. 27].

Далеко не все слушательницы, приезжавшие из провинции, останавливались в общежитии. Ввиду недостатка средств кто-то снимал дешевые номера, многие бедствовали. Как показывает статистика, более 40% курсисток «питалось исключительно 5-ти копеечным супом и кашей» [17, с. 75]. Кроме того, не всем молодым барышням, оказавшимся впервые в Москве, удавалось умело управлять имеющимися денежными средствами перед лицом открывавшихся возможностей. Так, по воспоминаниям слушательницы, при ее неумении расходовать присланные из дома средства, «их едва хватило на 2 недели. А тут рядом гастрономические магазины, магазины красивых платьев, словом, вся роскошь большого города» [16, с. 27].

Московские высшие женские курсы порою получали значительные добровольные пожертвования. Для этих целей на курсах был учрежден Попечительный совет, в состав которого вошли почетные члены, помогавшие курсам также своими членскими взносами [18, с. 27]. Через Попечительный совет были получены, например, 10 тыс. рублей от Медведниковой с назначением «на постройку здания для курсов или общежития при них». Статский советник Владимир Иванович Астраков (1809–1899) завещал 100 тыс. рублей на постройку в Москве женского

университета, в «котором было бы не менее трех факультетов: математический, естественный и медицинский с университетской программой». С открытием в 1906 г. медицинского факультета эти деньги были переданы МВЖК [19, с. 86].

Знаменитые носители фамилий Прохоровы, Рябушинские, Морозовы также не были в стороне от поддержки МВЖК значительными пожертвованиями. В числе почетных членов-учредителей «Общества содействия развитию медицинского факультета Высших женских курсов в Москве» стояли имена С.В. Рахманинова (1873–1943) и Ф.И. Шаляпина (1873–1938). Доход от ежегодных благотворительных концертов содействовал устройству МВЖК и оплате стипендий. В фойе Аудиторного корпуса ежегодно проходил концерт А.В. Неждановой (1873–1950). За счет этих средств 7–8% слушательниц были освобождены от платы за учение [20, с. 127–128].

Зачастую курсы получали пожертвования (деньги, книги, коллекции) от преподавателей, бывших курсисток, энтузиастов образования. Например, А.Н. Бениславский передал курсам ценную минералогическую коллекцию, доктор А.П. Ланговой — энтомологическую коллекцию, Шахов — бивень мамонта [21, с. 81]. В 1913 г. А.Ф. Котс передал МВЖК Биологический музей, основанный на частные средства. Покупались и частные библиотеки ученых: были приобретены библиотеки профессора, ученого-химика Владимира Васильевича Марковникова (1838–1904), профессора Ростовцева, ученого-астронома В.К. Цераского (1849–1925) и других. Свою библиотеку МВЖК подарил А.Ф. Гатлих (1864–1913),

К.А. Тимирязев передал курсам несколько экземпляров книги «Жизнь растений». На оснащение библиотеки МВЖК жертвовали книги Сабашниковы.

Мы вспомнили здесь далеко не все имена, известные современникам своей благотворительной деятельностью. Специалисты по истории и исторической социологии отмечают, что помощь «недостаточным» студентам со стороны состоятельных людей была характерной особенностью мышления и типа поведения, отличающая именно русских людей. Стипендии из частных источников во второй половине XIX в. были основным источником существования значительной части российского студенчества. Причем эта помощь осознавалась даже не как моральная обязанность, а как особая «миссия», чего не было больше ни в одной стране мира [22, с. 84].

Дело МВЖК на протяжении всего периода их существования находило поддержку и отклик в русском обществе, что в значительной степени выражалось в той благотворительной деятельности, которую многие осуществляли в пользу развития высшего женского образования. Пожертвования в первые 14 лет (1872–1886) составили 6931 руб. или 7,16% всего дохода [7, с. 259]. Капитал курсов к моменту их закрытия в 1886 г. составил 200 билетов Государственного займа и 2004 рубля наличными (всего около 22 тысяч рублей), которые были вложены в Московский купеческий банк [13, с. 25].

Так, общими усилиями преодолевались многие невзгоды и трудности в этом благородном и самоотверженном начинании под названием Московские высшие женские курсы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проскуракова, Н.А. Парадоксы российской модернизации и формирование гражданского общества в России // Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX в.: сборник статей. М.: Новый хронограф, 2013. 292 с.

2. *Пирогов, Н.И.* Вопросы жизни // Педагогические и публицистические сочинения. «Избранное» / сост. и ред. Ю.Л. Шевченко, К.В. Забелин. М.: Странник, 2019. 559 с.
3. *Ушинский, К.Д.* Педагогическая антропология: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / под ред. Э.Д. Днепров. М.: Изд-во УРАО, 2002. Т. 1. 512 с.
4. *Руднева, Я.Б.* Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98–131.
5. Воспитание женщины // Образование. 1895. № 2.
6. *Чехов, М.П.* Вокруг Чехова. М.: Московский рабочий, 1959. 304 с.
7. *Боброва, А.А.* Высшие женские курсы профессора Герье в Москве // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. М., 1961.
8. *Щепкина, Е.* Первые годы высших женских курсов // Русское прошлое. 1923. № 5. С. 134–145.
9. *Герье, В.И.* Воспоминание. Возникновение Высших женских курсов // ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 3. Лл.15–15 об.
10. *Крашенинникова, А.* Высшее женское образование в Москве // Москва в ее прошлом и настоящем. В 12 вып. Вып. XII. М., 1912.
11. Письмо В.И. Герье к С.М. Третьякову // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. М., 1997. С. 45.
12. *Герье, В.И.* Воспоминания. Отчет о деньгах, вырученных на спектакле в театре Солодовникова 11 декабря 1883 г. // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. М., 1997.
13. Московский педагогический государственный университет. 125 лет. М.: Флинта, 1997. 560 с.
14. *Иванов, А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
15. Положение о стипендии имени Евдокии Ивановны и Владимира Ивановича Герье // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. М., 1997.
16. *Куликова, Т.Н.* Развитие высшего образования для женщин в конце XIX – начале XX века: на примере курсов В.И. Герье // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2019. № 1.
17. *Покровская, М.И.* Современная русская женщина // Женский вестник. 1910. № 3.
18. Владимир Иванович Герье и Московские Высшие Женские курсы: мемуары и документы. М., 1997.
19. *Андреева И.Н.* Становление высшего женского педагогического образования в Москве 1872–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1987.
20. *Горелова, Л.Е.* Вклад профессоров Московского университета в создание медицинского факультета Московских высших женских курсов (МВЖК) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2016. № 2.
21. *Молодых, Н.И.* Московские высшие женские курсы 1900 г. // Советская педагогика. 1941. № 5. С.79–92.
22. *Андреев, А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008. 360 с.

REFERENCES

23. Proskuryakova, N.A. Paradoxy rossijskoj modernizacii i formirovanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Paradoxes of Russian Modernization and the Formation of Civil Society in Russia]. In: *Grazhdanskaya identichnost rossijskoj intelligencii v konce XIX – nachale XX v.: sbornik statej*

- [Civil Identity of the Russian Intelligentsia in the Late XIX – Early XX Century: Collection of Articles]. Moscow, Novyj hronograf, 2013, 292 p. (in Russ.)
24. Pirogov, N.I. Voprosy zhizni [Life Issues]. In: *Pedagogicheskie i publicisticheskie sochineniya. "Izbrannoe"* [Pedagogical and Journalistic Works. "Favorites"], ed. by Yu.L. Shevchenko, K.V. Zabelin. Moscow, Strannik, 2019, 559 p. (in Russ.)
 25. Ushinskij, K.D. *Pedagogicheskaya antropologiya: Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii* [Pedagogical Anthropology: A Person as a Subject of Education. The Experience of Pedagogical Anthropology], ed. by E.D. Dneprov. Moscow, Universitet Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2002, vol. 1, 512 p. (in Russ.)
 26. Rudneva, Y.B. Zhenskie samoreprezentacii v delovoj dokumentacii nachala XX veka [Women Self-Representation in Business Documentation of the Early Twentieth Century], *Dialog so vremenem* = Dialogue with Time, 2010, iss. 31, pp. 98–131. (in Russ.)
 27. Vospitanie zhenshchiny [Raising a Woman], *Obrazovanie* = Education, 1895, No. 2. (in Russ.)
 28. Chekhov, M.P. *Vokrug Chekhova* [Around Chekhov]. Moscow, Moskovskij rabochij, 1959, 304 p. (in Russ.)
 29. Bobrova, A.A. Vysshie zhenskie kursy professora Gere v Moskve [Higher Women's Courses of Professor Guerrier in Moscow]. In: *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute, vol. 16]. Moscow, 1961. (in Russ.)
 30. Shchepkina, E. Pervye gody vysshih zhenskih kursov [The First Years of Higher Women's Courses], *Russkoe proshloe* = Russian Past, 1923, No. 5, pp. 134–145. (in Russ.)
 31. Gere, V.I. Vospominanie. Vozniknovenie Vysshih zhenskih kursov [Memory. The Emergence of Higher Women's Courses]. *Department of Manuscripts of the Russian State Library*, fund 70, folder 32, item 3, sheets 15–15 ob. (in Russ.)
 32. Krashennnikova, A. Vysshee zhenskoe obrazovanie v Moskve [Higher Female Education in Moscow]. In: *Moskva v ee proshlom i nastoyashchem* [Moscow in Her Past and Present, iss. XII]. Moscow, 1912. (in Russ.)
 33. Pismo V.I. Gere k S.M. Tretyakovu [Letter from V.I. Guerrier to S.M. Tretyakov]. In: *Vladimir Ivanovich Gere i Moskovskie vysshie zhenskie kursy: memuary i dokumenty* [Vladimir Ivanovich Guerrier and the Moscow Higher Women's Courses: Memoirs and Documents]. Moscow, 1997, p. 45. (in Russ.)
 34. Gere, V.I. Vospominaniya. Otchet o dengah, vyruchennyh na spektakle v teatre Solodovnikova 11 dekabrya 1883 g. [Memories. Report on the Money Earned at the Performance at the Solodovnikov Theater on December 11, 1883]. In: *Vladimir Ivanovich Gere i Moskovskie vysshie zhenskie kursy: memuary i dokumenty* [Vladimir Ivanovich Guerrier and the Moscow Higher Women's Courses: Memoirs and Documents]. Moscow, 1997. (in Russ.)
 35. *Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet. 125 let* [Moscow Pedagogical State University. 125 Years Old]. Moscow, Flinta, 1997, 560 p. (in Russ.)
 36. Ivanov, A.E. *Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: socialno-istoricheskaya sudba* [Russian Students of the Late XIX – Early XX Century: Socio-Historical Fate]. Moscow, Politicheskaya Enciklopediya, 1999, 414 p. (in Russ.)
 37. Polozhenie o stipendii imeni Evdokii Ivanovny i Vladimira Ivanovicha Gere [Regulations on the Scholarship Named after Evdokia Ivanovna and Vladimir Ivanovich Guerrier]. In: *Vladimir Ivanovich Gere i Moskovskie vysshie zhenskie kursy: memuary i dokumenty* [Vladimir Ivanovich Guerrier and the Moscow Higher Women's Courses: Memoirs and Documents]. Moscow, 1997. (in Russ.)

38. Kulikova, T.N. Razvitie vysshego obrazovaniya dlya zhenshchin v konce XIX – nachale XX veka: na primere kursov V.I. Gere [The Development of Higher Education for Women in the Late XIX – Early XX Century: On the Example of V.I. Guerrier Courses], *Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences, 2019, No. 1. (in Russ.)
39. Pokrovskaya, M.I. Sovremennaya russkaya zhenshchina [Modern Russian Woman], *Zhenskij vestnik* = Women's Bulletin, 1910, No. 3. (in Russ.)
40. *Vladimir Ivanovich Gere i Moskovskie vysshie zhenskie kursy: memuary i dokumenty* [Vladimir Ivanovich Guerrier and the Moscow Higher Women's Courses: Memoirs and Documents]. Moscow, 1997. (in Russ.)
41. Andreeva, I.N. *Stanovlenie vysshego zhenskogo pedagogicheskogo obrazovaniya v Moskve 1872–1917 gg.* [The Formation of Higher Female Pedagogical Education in Moscow 1872–1917]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Pedagogy). Moscow, 1987. (in Russ.)
42. Gorelova, L.E. Vklad professorov Moskovskogo universiteta v sozдание medicinskogo fakulteta Moskovskih vysshih zhenskih kursov (MVZHK) [The Contribution of Professors of Moscow University to the Creation of the Medical Faculty of the Moscow Higher Women's Courses], *Byulleten Nacionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorovya imeni N.A. Semashko* = Bulletin of the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, 2016, No. 2. (in Russ.)
43. Molodyh, N.I. Moskovskie vysshie zhenskie kursy 1900 g. [Moscow Higher Women's Courses 1900], *Sovetskaya pedagogika* = Soviet Pedagogy, 1941, No. 5, pp. 79–92. (in Russ.)
44. Andreev, A.L. *Rossijskoe obrazovanie: socialno-istoricheskie konteksty* [Russian Education: Socio-Historical Contexts]. Moscow, Nayka, 2008, 360 p. (in Russ.)

Лубков Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ректор, академик РАО, Московский педагогический государственный университет, av.lubkov@mpgu.su

Alexey V. Lubkov, ScD in History, Professor, Rector, Academician, Russian Academy of Education, Moscow Pedagogical State University, av.lubkov@mpgu.su

Литвинова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, советник при ректорате, Московский педагогический государственный университет, iv.litvinova@mpgu.su

Irina V. Litvinova, PhD in History, Advisor to the Rector's Office, Moscow Pedagogical State University, iv.litvinova@mpgu.su

Гончаров Михаил Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина, Московский педагогический государственный университет, ma.goncharov@mpgu.su

Mikhail A. Goncharov, ScD in Education, Professor, Academician V.A. Slastenin Pedagogy and Psychology of Professional Education Department, Moscow Pedagogical State University, ma.goncharov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 06.12.2021. Принята к публикации 29.12.2021

The paper was submitted 06.12.2021. Accepted for publication 29.12.2021